

ДОМ ОЛИВЬЕ РУССО

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТУРГИЧЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ(ГЛАВА X. ЛИТУРГИЯ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ)¹

<Православная Церковь и жизнь древней Церкви. — «Небо на земле». — Как древние восточные отцы излагали это учение: Дионисий Ареопагит; Максим Исповедник; Николай Кавасила. — То же учение в Католической церкви: богослужебный чин на освящение храма.

Продолжающееся воплощение. — Цикл литургического года. — Евхаристия. — «Имя Божие.» — Монашество. — Родственность этих учений с учениями Дома Геранже и Дома Маура Вольтера.

Понятие этих идей в богословии и искусстве средних веков. — «церковь» и «Церковь», и их символизм. — Недостаток святоотеческого духа в современном Православии. — Литургия и унионизм.>

Дом Геранже² рассказал, как, прежде чем основать Солем³, он открыл свой проект госпоже Свечиной⁴, которую любил посещать и которая

¹ Полный вариант 10 гл. приводится по книге: *Rousseau 1945*. Р. 187–199. Текст расшифрован по автографу А. И. Георгиевского. Весь текст — как перевод, поданный в БВ 1945–1946 г., так и дополнения по переводу Н. А. Полторацкого — исправлен по оригинальному французскому тексту без указания авторской ответственности. Дополнения заключены в скобки <...>. — *Примеч. ред.*

² Дом Проспер Геранже (Dom Prosper Louis Pascal Guéranger) (1805–1875) — бенедиктинский монах, аббат монастыря Солем (Solesmes), литургист и реформатор литургии, сторонник активного участия верующего народа за богослужениями. Основатель «Литургического движения», деятельность которого стала одним из серьезных импульсов к осуществлению богослужебных реформ Католической церкви по результатам Второго Ватиканского собора (1962–1965). Геранже известен как автор пятнадцатитомного исследования по эортологии «Литургический год» (*L'année liturgique*), в котором охватывает каждый день литургического цикла Католической церкви. — *Примеч. ред.*

³ Имеется в виду период до 1832 г., когда Дом Геранже выкупил Солем. — *Примеч. ред.*

⁴ Софья Петровна Свечина (1782–1857) — дочь статс-секретаря императрицы Екатерины II П. А. Соймонова, фрейлина, хозяйка литературного салона в Париже,

всегда весьма им интересовалась. «Когда она, — рассказывает он, — узнала, что главной целью этого создания является молитва и похвала Божия, то пролила слезы радости». Как отмечено было по поводу этого впоследствии, «перешедшая из православия, София Свечина хранила огромную тоску по величию родной литургической молитвы»⁵.

Это всего лишь трюизм в католическом мире, что Православная Церковь сохранила дух Литургии древней Церкви и что она продолжает им жить, утоляя свою жажду из этого наиболее чистого источника. Несколько страниц о мере почитания Литургии в Православии дадут, может быть, дополнительное суждение обо всем, что сказано было нами выше.

Не может быть и речи о «литургическом движении» в Православной Церкви. Церковь эта, в присущем ей благочестии, никогда не отступала от своей Литургии и всегда оставалась ей неизменно верна. Единственным антилитургическим кризисом, пережитым ею, было иконоборчество⁶, которое она решительно отвергла на своих Соборах. А нам следует рассмотреть здесь, прежде всего, как религиозная жизнь Православной Церкви неразрывно связана с Литургией и все рассматривается во взаимодействии с ней.

Факт, извлеченный из древних сказаний, повествующих о евангелизации России, может открыть нам точку зрения, исходя из которой Православная Церковь смотрит на Литургию. Великий князь Владимир Киевский, приняв намерение обратиться к новой вере, отправил послов в различные соседние страны для того, чтобы узнать принятые

одна из наиболее влиятельных русских католиков XIX века. Получила хорошее европейское образование. Приняла католичество в России в 1815 г. (что почти совпало с появлением указа об изгнании иезуитов из Москвы и Петербурга, а позже и из всей России), из-за чего была вынуждена эмигрировать в Париж, где ее салон стал духовным центром католической интеллигенции Парижа и очагом русского латинства, чьим распространением она увлеченно занималась в среде русской аристократии, жившей в Западной Европе. — *Примеч. ред.*

⁵ *Capelle D. B. Dom Gueranger et l'esprit liturgique // Questions liturgiques et parissiales 22. Louvain, 1937. P. 136.*

⁶ Мы не вдаемся в такие подробности, как некоторые русские секты, например, беспоповцев, у которых с этой точки зрения есть многое, что можно было бы отметить.

там религиозные обряды, а затем сделать свой выбор по их докладам. Вернувшись ко двору князя, посланцы так сказали ему: «Мы были поначалу у болгар (мусульман) и наблюдали, как молятся они в своих храмах; стоят без поясов, кланяются, садятся, взирают туда и сюда, как безумные, и нет среди них радости, только печаль и отвратительное зловоние. Нехороша их религия. И пошли мы к немцам, и видели их, совершающими службы в церквах, но не увидели и здесь ничего прекрасного. А затем пошли мы в Грецию, где молятся своему Богу. И не знали больше, находимся ли *на небе* или *на земле*, потому что нигде нет на земле такого зрелища и такой красоты. Мы не в состоянии рассказать всего, только знаем, что там обитает Бог среди людей»⁷.

Это посещение было настолько убедительным, что византийские миссионеры принесли христианскую веру в Россию. «Этот рассказ, — говорит о. [Сергий] Булгаков, — соединяет детскую наивность с высокой пронизательностью. Посланники увидели то, что составляет сущность Церкви: небо на земле»⁸.

<В православной традиции не только Церковь является «Небом на земле», но и земная Литургия, литургическая молитва оказывается подлинным участием, личным проникновением в Литургию неба. Эта идея, впервые встретившаяся у александрийцев и находящаяся в определенной связи с неоплатонизмом, была уже до некоторой степени предвосхищена Пс.-Дионисием.

«Отнюдь не является неподобающим, — говорит этот автор, — прятать небесные вещи под покровом самых презренных эмблем; во-первых, потому, что материя, беря свое начало от Того, Кто прекрасен по самому Своему существу, сохраняет в расположении частей некоторые остатки невестественной красоты; затем потому, что самые эти остатки могут нас возратить к чистоте первоначальных форм, если мы будем различать, в каком именно смысле одна и та же фигура служит с одинаковой точностью для определения вещей духовных... Только при помощи таких материальных эмблем наш грубый ум может созерцать

⁷ Chronique dite de Nestor / Traduite sur le texte slavon-russe avec introduction et commentaire critique par L. Léger. Paris, 1884. P. 89–90.

⁸ *Boulgakoff* 1927. P. 42.

и представлять себе устройство небесных чинов. В этом плане видимая торжественность культа отчасти напоминает нам невидимую красоту. Благовония, услаждающие чувство обоняния, дают представление о духовном благоухании; блеск паникадил знаменует собой мистическое просвещение; насыщение умов созерцанием имеет свою эмблему в объяснении священной доктрины... и столь же в отношении всякой иной благодати: небесные существа в этом прикровенно участвуют неземным образом, тогда как человек — лишь при помощи осязаемых знаков... Слова Священного Писания описывают чистых духов под материальными образами только для того, чтобы заставить нас перейти от тела к духу, и от благочестивых символов — к высоте чистой сущности»⁹.

Духовные византийские авторы VII века, как, например, Максим Исповедник, широко пользовались этим учением, и с тех пор оно стало классическим в Православной Церкви. Платоновский принцип, а равным образом и дионисиевский, подчеркивающий соответствие между вещами небесными и земными, *невидимыми (ἀόρατα)* и *видимыми (όρατά)*, который, как мы видели, приводил в восторг Дома Геранже, Ньюмена и даже Мелера, лежит в основании литургической концепции византийского богословия. «Земная Церковь, движимая нисходящими иерархиями, проявляется как образ или же икона Церкви небесной, совершающей богослужение без покрова. Наложение один на другой, как «идеальная» реальность и ее чистое отражение, они представляют собою Космос, состоящий из *невидимых* и *видимых* вещей»¹⁰.

Заголовки первых глав мистагогии Максима Исповедника с этой точки зрения весьма поучительны: «В чем и как Святая Церковь является образом и изображением Бога»¹¹; «Как Святая Церковь Божия

⁹ Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии 2; 1. Эти тексты приводятся по поводу видений св. Гертруды в предисловии к «Литургическому году по св. Гертруде и св. Мехтильде» (L'année liturgique 1927. P. 43–44).

¹⁰ *Lot-Borodine M.* Mystagogie de saint Maxime // Irénikon. 13. 1936. P. 466–472, 595–597, 717–720, особо p. 467 (Introduction).

¹¹ *Прп. Максим Исповедник.* Мистагогия 1:2–3.

является образом мира, состоящего из сущностей видимых и невидимых»¹²; «Как Святая Церковь Божия символически изображает человека и как она им изображается в виде человека»¹³, и т. д.

Другой византийский автор XIV века, также весьма изучаемый в наши дни, Николай Кавасила¹⁴, показывает, что это учение продолжает жить в православной мысли. Идея о «взаимопроникновении будущего мира и мира настоящего является одной из наиболее характерных для его богословия», изложенного в знаменитом сочинении «Жизнь во Христе»¹⁵.

* * *

Учение о «Небе на земле» не принадлежит исключительно Православной Церкви. Оно является важнейшим основанием христианской экклезиологии. <Мы могли вполне дать себе в этом отчет уже на протяжении предшествующих глав. Все известные экклезиологи, о которых шла речь, обладают своим отличным от других богословов видением [Церкви], которая восхитила их раз и навсегда. Дом Геранже с жаром говорил о «таинственных красотах и небесных гармониях, которые Дух придал формам Божественного культа»¹⁶; Мелер¹⁷ с тоской обращается к небесной Церкви, по отношению к которой земная Церковь является только «образом и символом»¹⁸; Ньюмен¹⁹ видит в Церкви «чистый

символ небесных фактов»²⁰ и восхищается при мысли о нашем восхождении к Богу через зеркало вещей этого мира. Дом Маур Вольтер²¹, со своей стороны, видит, как его монахи участвуют через святую литургию в «общении Святых, будучи подражателями небесного града Сиона»²², а великие бенедиктинские мистики средних веков, столь часто им комментируемые святая Гертруда²³ и святая Мехтильда²⁴, с момента их присутствия на богослужении находились в тесном общении со Христом Первосвященником, среди святых и ангелов²⁵.

Великобритании викторианского периода. Уже в молодости снискал репутацию блестящего проповедника. Стоял во главе Оксфордского движения, добивавшегося обновления «изъеденной либерализмом» Англиканской церкви по образу Вселенской Церкви первых пяти столетий. В 1845 г. перешел в католичество, отстаивал идеи скотизма и принцип свободы воли, руководил католическим университетом в Дублине (1854–1858). Член общества ораторианцев. С 12 мая 1879 г. — кардинал-диакон с диакономством Сан-Джорджо-ин-Велабро, один из ведущих теологов Католической церкви, предшественник идей Второго Ватиканского собора. Кардинал-протодиакон с 8 февраля 1890 г. Автор одной из лучших автобиографий XIX века — «Apologia Pro Vita Sua» (1864). В 1958 году в Католической церкви был начат процесс по подготовке его беатификации. 19 сентября 2010 г. во время визита в Великобританию папа римский Бенедикт XVI причислил кардинала Ньюмена к лику блаженных. — Примеч. ред.

²⁰ Ср.: Rousseau 1945. P. 116 (Ch. 6).

²¹ Дом Маур Вольтер (†1890) — первый аббат бенедиктинской конгрегации Бетон, которую он основал со своим братом Пладиусом в 1863 году. — Примеч. ред.

²² Ср.: Rousseau 1945. P. 101 (Ch. 5).

²³ Святая Гертруда Хельфтская (нем. Gertrud, лат. Gertrudis; 1256–1302) — католическая святая, день памяти — 16 ноября. — Примеч. ред.

²⁴ Мехтильда Магдебургская (нем. Mechthild von Magdeburg, 1207, диоцез Магдебурга — 1282, монастырь Гельфта, Айслебен) — немецкая мистическая писательница, впоследствии монахиня-цистерцианка. — Примеч. ред.

²⁵ «Монахини Хельфта были пропитаны до глубины души Священным Писанием. Кроме того, время, в которое они жили, средние века, было по преимуществу эпохой символизма. Витражи кафедральных соборов, каменная скульптура фронтонов и колонн, ученые трактаты о символике животных и драгоценных камней — все это выражало в символических, но доступных для всех образах божественные части христианского учения и самые высокие реалии невидимого мира» (L'année liturgique 1927. P. 39). Попытки некоторых современных авторов объяснить литургию исходя из соображений «силы религии» выявляют гораздо менее прямым путем сущность культа, чем подходы древних, которые не имели нужды проходить через обходные рассуждения аристотелевских категорий; замечательные видения Апокалипсиса им были вполне достаточны.

¹² Там же. 2:2–4.

¹³ Там же. 4:2–4.

¹⁴ Св. прав. Николай Кавасила канонизирован Элладской Православной Церковью 3 июня 1982 года. — Примеч. ред.

¹⁵ Horn G. «La Vie dans la Christ» de Nicolas Cabasilas // Revue d'Ascétique et de mystique 3. 1922. P. 20–45. Ср.: Salsville S. Explication de la divine Liturgie. Introduction et traduction // Etudes byzantines 2, 1. 1944. P. 265–267.

¹⁶ Ср.: Rousseau 1945. P. 8 (Ch. 1).

¹⁷ Мелер (Moeler, Möhler) Иоганн Адам (1796–1838), немецкий католический богослов, профессор в Тюбингене по церковной истории, патристике и церковному праву. Основные сочинения: «Единство Церкви» (1825), «Афанасий Великий и Церковь его времени» (1827). — Примеч. ред.

¹⁸ Ср.: Rousseau 1945. P. 83 (Ch. 4).

¹⁹ Кардинал Джон Хенри Ньюмен (англ. John Henry Newman; 21 февраля 1801 — 11 августа 1890) — английский кардинал, центральная фигура в религиозной жизни

Богословское учение о «небесном граде» лежит в основе всей латинской Литургии. Оно полностью содержится в чине на освящение храма и гимне «Блаженный град Иерусалим» (*Urbs Jerusalem beata*). Средневековые соборные храмы не имели иной цели, как только зримо изобразить это учение²⁶. Только лишь в современную эпоху оно было несколько отодвинуто на задний план из-за апологетических задач и полемических споров, но в принципе продолжает существовать, и современная экклезиология пытается его восстановить. Если в православном богословии, которое оказалось более неуязвимым по отношению к нападкам противника, оно лучше сохранилось, чем у нас, то именно это богословие может помочь нам вернуть его на надлежащее место.

Чтобы дать себе отчет в том, насколько важное место эта идея занимает в современной православной экклезиологии, лучше всего обратиться, резюмируя главные параграфы, непосредственно касающиеся Литургии, к исследованию, которое о. [Сергий] Булгаков посвятил ей в свое время под заголовком «Небо на Земле» и которое было напечатано в журнале «Una Sancta».

* * *

Следуя отцу Сергию Булгакову, Православная Церковь есть религия Святой Троицы, поскольку она дает опытное познание жизни во Святой Троице. Также она есть вера в воплощенного Христа, Который живет в Своей Церкви, и потому вся жизнь Церкви есть непосредственное общение с Ним. Святая Троица, обращенная к миру человеческим лицом Сына, жизненно проявляет Себя в Святом Духе. Именно Святой Дух одушевляет Церковь, живет в Церкви, и все, что так или

²⁶ Поразительный пример тому — одно из постановлений капитула собора св. Уэна по поводу продолжения церковных работ: «*Urbem beatam Jerusalem, quae aedificatum ut civitas non saxorum molibus sed ex vivis lapidibus... sacrosancta militans Ecclesia Mater nostra per manufactam et materialem basilicam repraesentat*» («Святейшая воюющая наша Церковь представляет через рукотворную и материальную базилику блаженный город Иерусалим, который был построен как град не из скалистых глыб, но из живых камней...») (*Quicherat J. Mélanges d'archéologie et d'histoire. V. 2. Paris, 1886. P. 217*). Ср.: *Male E. The Gothic Image, Religious Art in France of the Thirteenth Century. London, 1913.*

иначе соприкасается с Церковью, получает Его дыхание. Церковь есть Пятидесятница с никогда не прекращающимся чревоношением²⁷.

И еще Церковь есть Воплощение, не только совершающееся, но и уже совершенное. Все, что однажды случилось в земной жизни Христа Спасителя (и в этом осуществляется великий принцип Литургии): Его смерть, Его воскресение, Его царское присутствие, — сохранит навсегда всю свою силу и по сей день «возобновляется» в Церкви по благодати. Наш религиозный год, движение небесного свода, определен Воплощением и подтвержден рядом праздников или других памятных дней, напоминающих события жизни Спасителя. Это не только воспоминания, но в известной степени *сами события*²⁸.

Вся жизнь Спасителя осуществляется непрестанно в жизни Церкви, в ее праздниках и священных временах. Наши церковные службы — это таинственные действия, мистические или сакраментальные, явления Христа²⁹.

Религиозный год возобновляет в рамках времени жизнь со Христом и во Христе. Чтение Священного Писания и, в особенности, Евангелия при богослужении носит характер, совсем отличный от каких-либо частных домашних чтений для своего понимания. В тексте содержится само событие, оно действует через слово, которое является инструментом Воплощения и искупительного домостроительства, так как *Слово плоть бысть и вселися в ны*³⁰.

Божественная Евхаристия представляет собою средоточие всей жизни Церкви; все стремится к ней, все соединено и наполнено ею. Присутствие Христа в Божественной Евхаристии — это чудесное событие, совершающееся каждый день в Литургии, раскрываясь в со-

²⁷ Над этими словами надписаны еще два слова «в непрестанном рождении», являющиеся более дословным вариантом перевода. — *Примеч. ред.*

²⁸ Это именно та теория, над которой так много потрудился дом Одо Казель (1886–1948) и которая начинает получать признание. См., в частности: *Casel O. Das christliche Kultmysterium. Regensburg, 1948.*

²⁹ О почитании икон в Восточной Церкви, которое относится к тому же принципу (несовершенные теофании), см.: *Lialin D. K. Un idéal de l'icone // Irénikon 11. 1934. P. 270–292.*

³⁰ * Ин. 1, 14.

ответствии с рядом символов от Рождества Христова (которому соответствует проскомидия, или приготовление) до Вознесения, которое представлено в конце Литургии, когда Святые Дары переносятся на жертвенник.

Отличительным признаком православного культа является чувство пребывания перед Богом и уверенности в Его присутствии, во *встрече с Ним* через призывание Его имени. «Имя Вечного», Которому Соломон воздвигнул храм³¹, живет священным образом в храме, который есть Церковь. Невозможно не поражаться бесчисленному числу произнесения в Церкви Имени Божия и Имени Святой Троицы.

Это Имя является дыханием молитвы, биением сердца — Имя Святой Троицы, Имя Иисуса, Имя Отца, Сына и Святого Духа в отдельности, так же как и всей Святой Троицы вместе. Здесь это живые Лица, с которыми верующая душа находится в общении и диалоге.

Православие смотрит на монашество как на искусство из искусств, как на состояние, в котором сияет духовная красота, к созерцанию которой оно стремится. Монахи имеют на земле то же назначение, что и ангелы на небе, но энергией их благочестия является аскетизм, которому Православная Церковь придает такое большое значение.

Можно отметить близость православной экклезиологии той, которая была развита Домом Геранже и Домом Мауром Вольтером. Для них монашество также оказывается богословской областью великой сакраментальности Церкви. Если монашество и не носит у них подчас столь ярко выраженного эсхатологического характера, если духовная красота преображенного человека, являющаяся целью всего восточного подвижничества, не представлена там иногда тем же образом, то это объясняется в значительной мере нравоучительным уклоном латинского характера, а также тем человеческим равновесием, которое было установлено св. Бенедиктом в его *Правиле*³², столь благо-

³¹ * 1 Цар. 13, 44.

³² Видение «Космоса», присущее восточному богословию, очень много говорит о преображении твари и о прославлении всей материи, в особенности человеческого тела. Литургия сама по себе является уже как бы преображением: отсюда важность свечей, лампад перед иконами, как и «света» вообще.

разумном во всех отношениях. Однако кажется, что близость между литургической концепцией геранжистского и бейроновского монашества и православной экклезиологией привела к тому, что в свое время, и как бы случайно, наилучшим образом произошло определенное сближение между обеими Церквями. Поэтому-то, когда немецкое литургическое движение достигает в XX веке всей полноты своего развития, оно неминуемо становится все более и более сознательным. И нельзя не заметить, что экклезиологи из монастыря «Мария-Лаах» жадно устремляются ко всем новым и древним богатствам Восточной Церкви.

* * *

Восприятие Церкви и Литургии, которое только что было изложено как присущее Православной Церкви, взято почти полностью из указанного выше исследования отца Сергия Булгакова³³. Оно, несомненно, находится в преемственности с патристической мыслью и было также и нашим до конца средних веков. Основанное на символическом видении вещей, оно предполагает наличие ума, привыкшего видеть в этом мире отражение мира горнего. Тот, у кого взгляды имеют такую направленность, легко понимает, как все христианские праздники и весь литургический год являются лишь отражением в нашем земном движении тайны Христа, полностью перенесенной на небо после Его славного Вознесения. Оказавшись в этой перспективе, уже нельзя сразу же не понять пророческую гармонию обоих Заветов. И тогда символическое объяснение их фактов, отражаемых один в другом, приводит к возвышенному пониманию тайн христианства. «Библия Бедных», о которой историки искусства так много нам говорили, объясняя наши

³³ Нужно еще отметить, для большей полноты, то важное место, которое Богоматерь занимает в православном богослужении. «Пресвятая Дева является мистически Церковью, что было сказано о высоте Креста возлюбленному ученику: “Се мать Твоя”» (*Boulgakoff 1927. P. 56*). Культ Пресвятой Девы в Православии напоминает почитание мариальной тайны у средневековых художников: «Мария — образ Церкви». О. С. Булгаков видит все заблуждение протестантизма в отрицании культа Марии: «Протестантизм, в своей религиозной сущности, полностью происходит от загадочной и непонятной неспособности почувствовать Пресвятую Деву» (*Boulgakoff 1927. P. 56*).

соборные храмы; повествования которой были подробно запечатлены в скульптурах и витражах, полностью отражает эту концепцию. Наши отцы по вере говорили о первом Адаме не иначе, как в зависимости от второго, о Мелхиседеке — в зависимости от Евхаристии, о райском древе — в зависимости от древа Крестного, о переходе через Черное море — в зависимости от Крещения, о псалмах Давида — по отношению их ко Христу, а о Храме — ссылаясь на Церковь. Знание Ветхого Завета было для них исполнено особого наслаждения и скрытых тайн, которые постепенно им раскрывались. От крестильни до престола они шаг за шагом восходили по ступеням небесной лестницы, и тайны, которые совершались в алтаре, ставили их подлинно перед престолом Божиим и величием Его имени, перед святыми ангелами, которые произволением Божественного всемогущества чудесным образом являлись в виде символических прообразов: *In conspectu angelorum psallam Tibi*³⁴.

Эта всецело одухотворенная концепция богооткровенных вещей, это образное существование — можно было бы сказать, промыслительное — отдаленного предмета в его земном изображении, это *esse aliud* небесных реалий в этом мире несравненно превосходит материализм нашей эпохи. Современному экзегету трудно узреть это присутствие духовного предмета в материальной вещи, эту всецело промыслительную реальность Ветхого Завета, который, следовательно, теряет для него и для нас значительную часть своего интереса и потому становится «историей». Под знаком увлечения историей и критикой современные люди стали почти неспособны воспринимать литургическую жизнь, почти неспособны воспринимать Писание, улавливать основополагающее чудесное единство, которое царствует в христианстве и благодаря которому христианские тайны реально присутствуют в каждом из наших праздников.

* * *

Многого недостает для того, чтобы в лоне самих Православных Церквей описанный идеал был бы везде без какой-либо тени. Один

³⁴ * Пс. 137, 1.

из главных православных представителей экуменического движения, афинский профессор Аливизатос³⁵ жаловался несколько лет тому назад на то, что патристический дух утерял свою жизненность в его Церкви. И он желал бы, чтобы Православие, «вернувшееся к традиционному учению Отцов, обладало в себе живой силой, представляя без примеси дух Христов в непрерывной преемственности от древней и неразделенной Церкви»³⁶. Православные богословы делают из этого возврата к патристике основное условие любой серьезной работы для восстановления христианского Единства.

Замечательно, что большинство из тех, кто в XIX веке содействовал развитию литургического движения и почувствовал то богатство, которое содержит в себе возвращение к источникам, способное послужить делу восстановления, были некоторым образом предшественниками движения в сторону единства. Так было, по разным причинам, с Ньюменом, Мелером, Домом Питрой и многими другими. То же явление можно наблюдать и в XX веке³⁷.

Экклесиология и Литургия обязательно приводят не только к проблеме разделения, но и к проблеме Единства. И, кажется, один только Дом Геранже не был затронут в равной степени этим горением. Неприемлемость его концепции, преувеличение им его теории о видимом и обрядовом единстве, о котором мы говорили в конце первой главы, несомненно, помешали ему увидеть проблему в ее настоящем свете. Если он и обращался к Востоку, то по причине его прошлого. Восточные литургии, которые он так глубоко изучал, не привели его, однако, к тому, чтобы он, хотя бы отчасти, отступил от своего одностороннего видения христианской институции. Однако усилия, привнесенные с другой стороны в его движение, смогли придать последнему всю желаемую полноту, чтобы стать в будущем могучим стимулом, побуждающим к достижению единства>.

³⁵ Аливизатос Гамилькар Спиридон (1887–1969) — профессор богословского факультета Афинского университета. — *Примеч. пер.*

³⁶ *Procès verbaux du 1-er congrès de théologie orthodoxe. Athènes, 1936. P. 52.*

³⁷ Основатель Лувенского литургического движения Дом Ламберт Бодуэн должен был стать при Пие XI вдохновителем большого унионального движения, центром которого сделался основанный им монастырь в Амее-на-Мезе (Amay-sur-Meuse).